
ПОВЕСТЬ

Яков Шафран
(г. Тула)

ДЕТСТВО
(повесть)

Прозаик и поэт, автор четырех сборников прозы и стихов. Печатается в журналах «Приокские зори», «Московский Парнас» и «Голос эпохи» (Москва), альманахах «Тула», «Ковчег», «На крыльях «Пегаса» и «НЛО» и в коллективных сборниках. Составитель альманаха «Ковчег» при журнале «Приокские зори» и зав. редакцией журнала. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Память детства — нет ничего важнее и нужнее этой памяти для человека. Она, как пуповина, через которую он получает необходимое подкрепление в течение всей своей жизни. Или недополучает, или вовсе не получает — это уж как кому выпадет... Во многом мы те, какими нас сформировало детство, и даже первые его пять-семь лет. Хотя отдаленные воспоминания порой могут быть фрагментарными и неясными или же, наоборот, очень яркими, это вовсе не означает, что они таковы и по силе своего влияния на человека. Самое неясное и зыбкое из них может иметь доминирующее значение.

Неизбывная тяга людей вернуться в свое детство связана либо с желанием вновь оказаться в зоне комфорта и напитаться силою от родника любви и жизненной силы, исходящей от матери и отца, от друзей и родных мест, чтобы с новыми силами жить и трудиться. Либо со стремлением, что-то изменить там, найти, чтобы это измененное или найденное стало таким питающим источником. А кто-то хочет вновь вернуться в состояние маленького ребенка, может быть, даже эмбриона в утробе матери, чтобы сказать самому себе: «Видишь, жизнь, какой я маленький и беспомощный, что же ты все хочешь от меня?» Так или иначе, детство неразрывно связано с нами.

Но в детстве ни о чем таком не думается. А вся жизнь, весь мир концентрируется вокруг тебя. И все нераздельно — и детство, и мир, и жизнь, и все вокруг в ощущениях, чувствах, словах — во всем...

Поселок Брагин, где я родился, был центром мироздания, неким кругом в центре, вокруг которого был другой круг — Гомель, вмещавший в себя и первый. А вокруг Гомеля — Белоруссия, потом Россия и вокруг нее — Москва. Самой главной в этом мироздании была она, потому что по несколько раз в день из черного картонно-

го репродуктора, висевшего на стене над моей кроватью, громким начальственным голосом раздавалось: «Говорит Москва!»

Хорошо помню стоящую на столе керосиновую лампу и почему-то бабушку, отца, мать и ее плачущую подругу, скорбно сидящих вокруг нее. Они говорят, что Боря погиб, что уже нет этого хорошенького способного ребенка, и плачут. А я думаю, как это Бори нет? Вот недавно, сегодня, мы с ним играли и завтра будем играть, когда с мамой пойдем с ответом в гости. И куда может деться Боря отсюда, из центра мироздания, каким является Брагин. Ведь все, кто едет по делам в Гомель, Белоруссию, Россию и даже Москву, все они через какое-то время, все до одного, возвращаются в Брагин. Правда, говорят, что некоторые не возвращаются. Может они нашли там то, чего нет в Брагине? Это странные люди, чудачки, так как в Брагине есть все. Поэтому большинство людей никуда не деваются... Боря попал под машину? Интересные люди эти взрослые! Кто же не хочет попасть под машину, чтобы посмотреть а что там находится? Посмотрит и вылезет, что непонятного, зачем плакать весь вечер? Лучше бы почитали что-нибудь вслух...

Но ни завтра, ни потом Боря из-под машины не вылез. И я понял, что люди, даже очень маленькие люди, могут исчезать просто так, не уезжая из Брагина, чтобы остаться во внешних кругах.

Керосиновая лампа имеет свойство давать такой мягкой-мягкий свет, одновременно позволяющий видеть все в комнате и сохраняющий таинственные уголки зыбкого полумрака, в которых живут загадочные тени и тайны. А за столом у самой лампы сидит бабушка Аня и что-то штопает, перештопывает. По другую сторону стола отец читает газету. Вообще-то это комната тети Фаины, двоюродной сестры бабушки. Но во второй комнате мама занимается с двумя младшими сестренками, и мы собрались здесь, чтобы не мешать. Тетя, очень устающая в ателье, где она с утра до вечера кроит и шьет, шьет и кроит, лежит сейчас на своей широкой кровати, покрытой покрывалом. Я сижу рядом с ней, так как очень люблю в это вечернее время, освещенное до сих пор в памяти этим живым светом керосиновой лампы, слушать рассказы и сказки, которые тетя говорит своим мягким задушевым голосом. И частенько она успокаивала меня после взбучек, которые я, баловник, получал от строгой мамы. Зная, что только она может это сделать, сразу же бежал к ней, прижимался и, сотрясаясь от рыданий, доверял ей все, что вмещало тогда мое сердце.

Бабушка Рая, которая после смерти тети Фаины заменила мне ее, тогда еще не жила с нами. И тетя была единственным человеком, с которым мы, дети, могли поговорить по душам, получить объяснения своим поступкам и понять, что мы все равно хорошие, только нужно чуть-чуть исправиться.

Я ждал конца рабочей смены тети Фаины и шел ей навстречу. Только завидев ее, сутулую, уставшую, размеренной походкой идущую по тропинке (тротуар у нас был с другой стороны улицы), вприпрыжку бежал ей навстречу, обнимал ее и, взяв за руку, шел рядом. У тети никогда не было своей семьи и детей, и она очень любила нас, особенно меня. Пройдя так со мной немного, она всегда давала рубль на мороженое. Я бежал к киоску, который был недалеко и покупал наше основное лакомство — молочное мороженое в белом бумажном стаканчике с деревянной плоской пластинкой-ложечкой. Если отковыривать холодную сладкую массу по чуть-чуть и слизывать ее с ложечки, смакуя вкус мороженого и дерева, то удовольствие можно продлить надолго.

В детстве я был худющий, как говорится, кожа да кости. При этом у меня были длинная шея, на которой вертелась во все стороны любопытная голова, длинные,

несоразмерные с ростом руки с худыми пальцами и такие же длинные ступни. Про походку никто ничего не говорил, но, став взрослым, узнал, что походка в течение жизни практически не меняется. Значит, она и тогда была важной. Поэтому ничего удивительного не было в том, что прилипла ко мне еще до того, как пошел в школу, кличка «гусь». Немалую роль в этом сыграли мои будущие приятели, которых я тогда, до школы, близко еще не знал, мы знали друг друга издалека.

Помню, играл как-то во дворе нашего дома, который тогда занимали две семьи. Двор отделял от улицы не забор, как позже, а простой редкий штакетник. На другой стороне улицы, на лавочке сидели двое белобрых ребят моего возраста и, показывая на меня пальцами, смеялись, крича: «Гусь, гусь!..»

Дом, у которого сидели ребята, был необычным. Там вместе с родителями и сыном жила красивая, но тихо помешанная женщина. Когда не нужно было работать по хозяйству, она часто сидела на лавочке, сложив на коленях руки, и подолгу глядела в одну точку перед собой. Рассказывали, что во время оккупации за ней ухаживал немецкий офицер, и она постепенно стала отвечать ему взаимностью. Офицер говорил, что любит, был добрым, культурным и заботливым, все время носил продукты, делал подарки. Она забеременела от него и родила сына. Когда немцы отступали, офицер уехал вместе со всеми, оставив ее одну с ребенком перед лицом всеобщего недоброрезательства и осуждения, и перед собственной совестью.

Борис вырос в высокого красивого темноволосого парня. Война закончилась всего десять лет тому назад, и в памяти людей еще было очень свежо все, связанное с ней. Поэтому друзей у него не было, знакомые одноклассники были не в счет. Девушки не дружили с ним, и Борис тянулся к нам соседским детям, лет на пять-семь моложе себя, и к ровесникам, приезжающим из Гомеля и Минска погостить к родным.

Борис рос добрым и ласковым парнем, мы дети тянулись к нему, чувствуя его доброту. Он читал нам детские книжки, мастерил с нами игрушки, играл в наши игры. Мы все знали о нем, но никогда не возникало даже желания что-то сказать, подразнить, как это часто бывает в детской среде. Надо думать, все дело было в его теплоте, она растворяла в зародыше все дразнилки, прозвища, все злое, что в избытке появлялось на наших неуправляемых еще детских языках в других ситуациях и с другими детьми, и даже взрослыми людьми.

По каким-то неведомым законам образ Бориса тесно переплелся в памяти с тетей и керосиновой лампой. Можно, рассуждая логически, попытаться вывести некие закономерности этого явления. Но мне никогда не хотелось этого делать, ибо какой-то частью души чувствовал, что хирургический нож ума может разрушить это неповторимое сплетение людей, явлений и предметов, создающих некое духовное пространство, некое окно во времени, через которое ты приобщаешься к чему-то восстанавливающему что-то в тебе, питающему и являющемуся источником света и тепла в душе.

Участок, на котором стоял наш дом, был большим, двенадцать соток сада и огорода. Каких только плодовых деревьев и ягодных кустов, посаженных трудолюбивыми руками мамы, не росло на нем. Там были разных сортов яблони, груши, сливы и вишни. По краям огорода росли черная, красная и белая смородина, крыжовник. А за сараем, как всегда в окружении крапивы, были заросли малины. Росла и клубника, но это ягода особой стати. За ней требовался постоянный уход на особой плантации, прополка, поливка. Так что правильнее сказать не она росла, а мы ее выращивали...

Благодаря этому, лето ассоциировалось для нас, детей, с возможностью выйти в сад и, что называется «от пуза», наесться фруктов и ягод. Но мать приучала нас и к

посильному труду для поддержания всего этого благолепия. Так у меня были обязанности, которые выполнял с удовольствием. Нужно было полить теплой водой из бочки грядки огурцов, помидоров, лука, чеснока, морковки и зелени, предварительно прополов их от сорняков. А затем в ту же бочку натаскать воду ведрами из колонки. Работа легко спорилась, так как выполнял ее с удовольствием.

Все остальное пространство огорода занимал картофель. Он рос высокими стеблями и для меня, это было дополнительным и увлекательным местом для игры. Индейцем, партизаном, разведчиком с самодельным автоматом из стебля подсолнуха, с приспособленным к нему прикладом и магазином, с устроенной на дуле большой рогаткой, я ползал между грядками под густой листвой, как в джунглях. Причем умудрялся так ловко изгибаться, что мог проползти весь огород, и никто не замечал никакого шевеления.

Огород переходил в болото, которое весной и осенью было полно воды, а летом высыхало. Чтобы вода быстрее уходила, были вырыты глубокие, выше человеческого роста и достаточно широкие каналы. Однажды я решил погонять лягушек в одной из таких канав, не удержался и плюхнулся в воду. Помню, вода кишела лягушками, которые, задевая меня своими лапками, кинулись врассыпную. Помню тину, характерный запах болотной воды, как я барахтался в ней. Вот тогда-то я бы, наверное, и научился плавать, если бы не сестра матери, тетя Лиза, загоравшая невдалеке. Она вытащила горе-пловца, всего обляпанного тиной и мелкими водорослями, на «берег». Таким было мое первое общение с водоемом...

Потом, по прошествии времени, уже став взрослым, я часто задумывался о том, какая все-таки интересная штука жизнь. Кто бы мог подумать, что вот такая трагическая потеря друга в первые, ранние годы, какая произошла у меня, станет началом в длинной цепочке дружеских потерь и расставаний. Но тогда, когда мне еще не было семи лет, сидя у керосиновой лампы, я вовсе не думал об этом. Да, и как я мог думать о том, чего не было. Ведь в детстве вся жизнь — это не то, что прошло, и не то, что еще не наступило, а только то, что происходит вот здесь и сейчас, и воспринимаемое глубоко и многомерно. Слова эти нашел уже потом, вспоминая свои ощущения того времени, но они очень неточны. А вернее нет терминов в языке взрослого человека, которыми можно было бы описать детское восприятие действительности. Ведь оно глубоко отличается от взрослого. Может быть, оно и есть истинное, незамутненное ничем восприятие, которое определяет во многом наши теперешние симпатии и антипатии, предпочтения и неприятия. И любовь к свечному и, вообще, спокойному огню, может быть имеет корень в той самой керосиновой лампе на столе. А тяга в течение всей жизни к старшему по возрасту другу — в том парне по имени Борис, который дружил и играл с нами в детстве. Или, например, внутренний идеал матери и жены, как доброй и теплой, спокойной, успокаивающей и, одновременно, побуждающей к самоуважению и мужеству, создавался, благодаря тете Фаине и бабушке Рае. Обо всем этом можно много говорить и спорить, и никто не даст однозначного ответа на эти вопросы. Одно могу сказать определенно, очень многое формируется в детстве и, особенно, в первые его годы.

Как я уже говорил, все свободное время проводил на земле — во дворе, на улице, в саду-огороде. Причем с мая по сентябрь включительно — практически постоянно босиком. Может быть, поэтому, когда в четырнадцать лет переехал к сестре матери на их родину в Тулу в городскую квартиру, через три-четыре месяца случился острый аппендицит.

Вслед за мной перебрались в Тулу и родители. Вначале приехал отец и устроился на работу. А через полгода и мама с двумя сестренками и с бабушкой Аней, которой

было уже восемьдесят лет. Через два года после переезда бабушка умерла. Она всю жизнь провела на земле в огороде и за шитьем, была очень спокойной и доброжелательной, ничем не болела. А тут сгорела за полтора года. Что значит оторвать человека от земли, от родных мест, где он прожил всю жизнь, и от родных корней.

Но это все было потом. А тогда о таких вещах не думалось и каждый день был как целая жизнь...

Закончилось раннее детство с приездом брата бабушки Раи из Ташкента. Он родом был с Витебщины, и его все время тянуло в среднюю полосу. Первым же делом дедушка Илья арендовал лодку, и мы с ним на целый день уплывали по Брагинке с удочками. Мои родители, несмотря на то, что жили в сельской местности, не были любителями походов далее чем в парк, кинотеатр или на рынок. С дедом мы не только катались на лодке, но и уезжали в лес за грибами и ягодами, бродили по окрестностям поселка, ездили в лес на машине.

Эти сказочные путешествия на всю жизнь врезались мне в память, так как тогда передо мной впервые открылись двери в природу. До сих пор свежи в памяти запахи речной воды, тины, кувшинок и трепещущей в ведре рыбы, запахи леса — примятой дождем травы, елей и сосен, набело вымытых березок, молодцеватых дубков, ясеней и грабов, пьянящих земляники, черники и всевозможных грибов. Для меня это было волшебной сказкой. С тех самых пор я не могу жить без контакта с землей, водой, лесом, полем, без всего того, что можно назвать одним словом мать Природа.

Приближался сентябрь. А в конце октября мне исполнилось семь лет. Родители хотели, чтобы я пошел в школу через год. Но дед настоял на поступлении в школу в этом году.

Каждый знает, что школа накладывает на все происходящее с тобой и вокруг тебя свой отпечаток, игры и отношения становятся уже другими, наполненными несколько иным содержанием. Поэтому в том сентябре началась для меня другая жизнь.

Знаковым, предопределившим многое в моей жизни стал день первого сентября 1957 года — первый школьный день. В поселке было две школы — белорусская и русская. В русской школе было два первых класса и, соответственно, две учительницы. Одна, Клавдия Дмитриевна, была добрейшей души человек, буквально излучающая свет доброты, а другая, к сожалению не запомнил ее имени-отчества, — строгая, жесткой манеры поведения... И на протяжении всего этого первого дня каждая из них неоднократно уводила меня за руку из другого класса в свой. С тех пор два начала, воплощенные в этих учительницах, состязались во мне в жизни и творчестве. Но победило все же светлое, благодаря доброй учительнице, незабвенной Клавдии Дмитриевне...

(Продолжение следует)

